

РАБОТА НАД ТЕКСТОМ СУДЕБНЫХ РЕЧЕЙ КАК ПРИЁМ РИТОРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ

© 2009 Е.П.Пронина, Г.Н.Якушева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 21.05.2009

В этой статье определены основные направления обучения студентов юридических факультетов судебной риторике на основе анализа риторических приёмов всемирно известных российских судебных деятелей прошлого, которые владели этими приёмами в совершенстве, используя в своих речах не только логическую, но и ярко выраженную образную составляющую. Кроме того, в статье охарактеризованы некоторые аспекты речевой подготовки студентов, проиллюстрированные примерами анализа конкретных судебных речей.

Ключевые слова: суд, речь, образец, затруднение, доказательство, логика, образ, метафора, мышление, убедительность.

Необходимость концептуального обоснования и методического оснащения речевой подготовки студентов юридических факультетов требует многоаспектного подхода. Ещё Цицерон указал методический приём, при помощи которого будущий оратор может заниматься саморазвитием. Он считал, что «надо указать образец для подражания, и пусть начинающий всеми силами стремится уловить всё лучшее, что есть в этом образце»¹. Как показывают опросы, студенты юридических факультетов не могут назвать имена большинства русских судебных ораторов, не знакомы с образцами отечественного судебного ораторского искусства, не считают, что судебные речи могут быть предметом изучения. Чтение таких речей носит случайный характер.

Но имя судебного оратора Ф.Н.Плевако известно студентам юридических факультетов, а его речь в защиту старушки, укравшей чайник, очень близко к авторскому тексту могут воспроизвести почти все студенты старших курсов. Речь эта устно передаётся от старших курсов к младшим. Учитывая такую известность этой речи Ф.Н.Плевако среди студентов юридических факультетов, именно с неё целесообразно начать анализ текстов судебных речей. Эта предельно лаконичная речь Ф.Н.Плевако состоит всего из семи коротких предложений: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за её больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали её, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на неё, взяли Мо-

скову. Всё вытерпела, всё преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно»².

В процессе анализа этой речи студенты указывают на следующие её достоинства: 1) оратор в ней очень убедителен; 2) подкупает гуманность адвоката; 3) Плевако находчив; 4) адвокат очень пафосно защищает старушку; 5) оратор умеет расположить к себе слушателей; 6) адвокат выступает против формального применения закона. Отсюда можно сделать вывод, что, знакомясь с этой речью, студенты, во-первых, сразу видят в ней оратора, во-вторых, осознают его незаурядность. Положив это в основу анализа речевого поведения адвоката, студентам предлагается выделить основные тезисы речи прокурора, выступавшего в этом процессе («... собственность священна, <...> если мы позволим людям потрясать её, то страна погибнет»)³. Прокурор логичен, но не убедителен. Адвокат менее логичен, но убедителен. Почему? При ответе на этот вопрос сразу становится очевидным резкий контраст между ораторским талантом адвоката и весьма посредственными ораторскими способностями прокурора. В чём же здесь, прежде всего, проявляется ораторский талант адвоката? Очевидно, в художественном начале, приводящем к чувственно-образному познанию в суде. Но студенты должны прийти к такому выводу самостоятельно. Для этого ставятся вопросы, вызывающие ситуацию затруднения:

1. Логично ли рассуждение адвоката: «Всё вытерпела, всё преодолела Россия»...; «Ста-

⁰ Пронина Елена Павловна, профессор кафедры русского языка культуры речи и методики преподавания.

E-mail: filolog_f@pqsqa.ru

Якушева Галина Николаевна, соискатель кафедры русского языка культуры речи и методики преподавания.

E-mail: filolog_f@pqsqa.ru

¹ Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – С. 148.

² Вересаев В.В. Жил в Москве знаменитейший адвокат Плевако... // Собр. сочинений в 4-х т. – Т.4. – М.: 1961. – С. 357.

³ Там же.

рушка украли старый чайник»...; «Этого Россия уж, конечно, не выдержит»...

2. С какой целью Ф.Н.Плевако довёл до абсурда рассуждение прокурора о том, что собственность священна?
3. Допустимо ли адвокату утверждать, что от преступного деяния его подзащитной Россия погибнет?
4. Почему адвокат показывает преступление старушки в таком широком контексте событий?
5. Можно ли утверждать, что Ф.Н.Плевако пафосно защищает старушку?
6. Почему в защитительной речи пафосно поддерживаются тезисы прокурора? Не нарушает ли это нравственных основ судебной речи?
7. Можно ли сказать, что Ф.Н.Плевако иронией разрушает аргументацию прокурора?

Опыт анализа этой речи Ф.Н.Плевако в процессе обучения студентов показывает, что постановка вопроса о целесообразности чувственно-образного познания в суде вызывает разные суждения: 1) Обвинитель и защитник должны вести доказательство посредством логических операций – 100%. 2) Образная речь допустима в том случае, если судебные ораторы имеют способности к художественному творчеству – 3%. 3) Для успешного выступления в судебных процессах с участием присяжных заседателей необходимо пользоваться языком официально-делового стиля – 92%. 4) Преступное деяние должно оцениваться готовыми выражениями из статей Уголовно-процессуального кодекса, что является условием равного подхода ко всем подсудимым – 97%. 5) Образная художественная речь отвлекает от объективного анализа фактов судебного разбирательства – 22%. 6) Образно-метафорическое употребление слова в судебной речи недопустимо – 0,4%.

Обращается внимание студентов и на роль изобразительно-выразительных средств языка. В частности, выясняется, какую роль играет метафора в ещё более лаконичной речи Ф.Н.Плевако в защиту священника, растратившего церковные средства: «Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всём совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и сам в них сознался. О чём тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал вам на исповеди ваши грехи. Теперь он ждёт от вас: отпустите ли вы ему его грех?»⁴. Священник был оправдан. Студентам предлагается установить, чему уподобляет адвокат картину судопроизводства (уподобляет церковной службе). Эта метафора напоминает при-

сязным о покаянии, следующем из христианского вероучения. Студентам предлагается определить, что способствовало положительному решению суда.

В «Риторике» Аристотель определил главные составляющие публичной речи. Она «... слагается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя)»⁵. Русские судебные ораторы эпохи судебных реформ 1864 года восприняли созданную Аристотелем модель публичной речи в целостном художественном проявлении и научном, философском осмыслении. Можно сказать, что три элемента публичных выступлений, о которых писал Аристотель в «Риторике»,⁶ талантливо воплощённые русскими судебными ораторами в речах, стали образцом успешного речевого поведения в суде.

При анализе судебной речи может быть обращено внимание на то, как образ, созданный судебным оратором, способствует выявлению логической структуры текста. А.Ф.Кони, выступая обвинителем в процессе по делу о подлоге завещания капитана гвардии Седкова, помогает присяжным при помощи образа объединить все объективные факты, события преступного деяния: «Каждое преступление, совершённое несколькими лицами по предварительному соглашению, представляет целый живой организм, имеющий и руки, и сердце, и голову. Вам предстоит определить, кто в этом деле играл роль послушных рук, кто представлял алчное сердце и всё замыслившую и рассчитавшую голову»⁷.

Выступая в этом процессе защитником, В.Д.Спасович тоже образно определяет особенности дела в виде глыбы снега: «Господа присяжные заседатели! Настоящее дело имеет предметом преступление, которое по ходу своего развития похоже на катящуюся глыбу снега: она обрастает на лету комьями снега, которые пристаёт к первоначальному ядру так, что, наконец, образуется целый снежный вал. При определении ответственности каждого из подсудимых вам необходимо обратить внимание на то, как построилась группа людей, совершивших преступление: кто был первоначальным ядром, кто пристал прежде и кто после; кто из них ближе и кто дальше от центра в той системе, которую обвиняющая власть назвала организацией пре-

⁵ Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн.: 1998. – С.762.

⁶ Там же.

⁷ Кони А.Ф. Дело о составлении подложного духовного завещания от имени умершего капитана гвардии Седкова. Избр.произв. в 8 т. – Т. 3. – М.: 1967. – С. 316.

⁴ Там же. – С. 356.

ступления»⁸. В речах В.Д.Спасовича логическое и образное исследование материалов дела тесно связано. В.Д.Спасович учитывает стратегию мышления присяжных. При помощи образа глыбы снега он создаёт целостную картину развития преступления. Адвокат отделяет от целого факты, анализирует их, устанавливает между ними логические связи, выясняет, «... какое положение занимал каждый в среде группы, участвовал ли он, когда преступление зарождалось, пришёл он и присовокупился к готовому уже делу, совершённом без него, к делу, притом уже находящемуся в ходу...»⁹.

В статье «Искусство речи на суде» А.Ф.Кони писал: «Человек редко мыслит логическими посылками. <...>... искусство речи на суде заключается в себе умение мыслить, а следовательно, и говорить образами».¹⁰ Литературу и судебное ораторское искусство роднит художественное познание человека. А.Ф.Кони считал, что «исходная точка искусства заключается в умении уловить частное, подметить то, что выделяет известный предмет из ряда ему подобных»¹¹.

Писатель и судебный оратор имеют сходные цели: исследовать становление или нравственное падение личности. Профессор Л.Е.Владимиров в пособии для уголовной защиты «*Advocatus miles*» утверждал: «Правдивым, жизненным художником должен быть защитник в своей речи и мыслить он должен образами, выхваченными из развернувшейся на суде драмы, а не школьными отвлечёнными положениями»¹². «Прочтите любую речь истинного оратора, и вы убедитесь, что, будучи обвинением или защитой, она есть вместе с тем *художественное произведение* (курсив П.Сергеича)», – подчеркнул видный судебный деятель и исследователь судебного ораторского искусства П.С.Пороховщиков (П.Сергеич)¹³. М.М.Винавер разделял это мнение не полностью: «Судебное красноречие есть тоже искусство, – искусство низшего ранга, искусство, исходящее для своих настроений не из мира предполагаемого, а из мира сущего, вынужденное держаться очень близко этого конкретного мира»¹⁴.

⁸ Спасович В.Д. Дело о составлении подложного духовного завещания от имени умершего капитана гвардии Седкова // Спасович В.Д. Избранные труды и речи / Сост. И.В.Потапчук. – Тула: 2000. – С. 314.

⁹ Там же.

¹⁰ Кони А.Ф. Искусство речи на суде // Избранные произведения. В 2-х т. – Т.1. – М.: 1959. – С. 121.

¹¹ Там же. – С. 116.

¹² Владимирова Л.Е. *Advocatus miles*: Пособие для уголовной защиты. – СПб.: 1911. – С. 41.

¹³ Сергеич П. Искусство речи на суде. – М.: 1998. – С. 127.

¹⁴ Винавер М.М. Недавнее. – Петроград: 1917. – С. 43.

Нельзя обойти вниманием ответ С.А.Андреевского, адвоката – поэта, как называли его современники, на вопрос, возможно ли творчество из практической необходимости. Выступая перед помощниками присяжных поверенных, он говорил: «Мне возразят, что писатель свободно создаёт образы, исчерпаемые из своей фантазии, тогда как адвокат прикован к фактам действительности. <...> Ведь я говорю о художественной литературе, которая всегда, как бы она фантастична ни была, имеет в своей основе самую настоящую, самую глубокую правду жизни. Поэтому уголовный адвокат, если он художник, т.е. человек проникательный и чуткий, находится даже в гораздо лучших условиях, нежели писатель»¹⁵. Метафора в судебной речи необходима и появляется там, где нужно определить понятие. Это положение подтверждается примером речевого поведения Ф.Н.Плевако в судебном процессе по делу Савченко-Бельского. Студентов нужно ввести в курс этого судебного процесса. Защищая Савченко-Бельского, который превысил пределы необходимой обороны, Ф.Н.Плевако рассматривает, в пределы какой метафоры укладывается поведение подсудимого: он живёт как «мыслящий мундир» или как «мыслящий дух»? Студентам предлагается прочитать отрывок из речи Ф.Н.Плевако:

«Необходимая оборона – естественное право человеческой личности. Она не даруется законом, а признаётся им, как состояние природное. Право обороны записано не в книге, а в груди человека, оно не понимается, а чувствуется.

Чиновник, надев мундир, не поглощает в себе всего человека; последний в нём остаётся. Поэтому все естественные права человека не умирают и в должностном лице.

Он чувствует, как и мы, страх, боль, он хочет жить не как мыслящий мундир, а как мыслящий дух: когда грозят его здоровью и благу, он защищается, как и мы.

Отсюда, необходимая оборона – состояние возможное и для чиновника.

А раз это не данное правом, а признанное правом, так сказать, физиологическое состояние, то и извинение, которое закон оказывает нарушению пределов обороны, как извинение, вызываемое условиями человеческой природы, неспособной немедленно переходить от возбуждения к самообладанию, от рефлексов к мгновенной задержке их, – должно одинаково относиться и к чиновнику, ибо ипостась должности не изменяет в носителе её общих свойств нашего духа»¹⁶

После чтения отрывка студенты отвечают на следующие вопросы:

¹⁵ Андреевский С.А. Об уголовной защите // Избранные труды и речи / Сост. И.В.Потапчук. – Тула: 2000. – С. 289 – 290.

¹⁶ Плевако Ф.Н. Дело Савченко-Бельского // Речи известных русских юристов: Сб. – М.: 1985. – С. 370 – 371.

1. Как понимаете метафору «право обороны записано <...> в груди человека»? (ответы студентов: самозащита – это инстинкт; право защиты своей жизни – это первое чувство; это первое право, признанное человеком).
2. Можно ли считать синонимичным данному метафорическому выражению утверждающий модус:

каждый человек имеет право на необходимую оборону <u>чиновник – человек</u> значит, чиновник имеет право на необходимую оборону

- (62% студентов 1 курса и 78% студентов 5 курса считают эти выражения синонимичными).
3. Метафорическое выражение или утверждающий модус убеждает вас больше? (72% студентов 1 курса и 91% студентов 5 курса считают утверждающий модус неоспоримым, значит, более убедительным).
 4. Метафорическое выражение или утверждающий модус покажется присяжным заседателям более убедительным? (57% студентов 1 курса и 63% студентов 5 курса считают, что метафорическое выражение убедит присяжных заседателей больше).
 5. При помощи какой метафоры Ф.Н. Плевако утверждает право чиновника на главную ценность человека – жизнь? («...он хочет жить не как мыслящий мундир, а как мыслящий дух...»)
 6. Согласны ли вы с тем, что данную метафору можно назвать несущей конструкцией для высказываний, убеждающих присяжных заседателей? Приведите эти высказывания.

Студенты дают следующие ответы: «Необходимая оборона – естественное право человеческой личности»; «... необходимая оборона – состояние, возможное и для чиновника»; «... ипостась должности не изменяет в носителе её общих свойств нашего духа».

С целью получения ответа на вопрос, какую стратегию мышления нужно развивать у начинающего судебного оратора, логическую или образную, целесообразно обратиться к речам известных судебных деятелей, с которыми они дебютировали. С.А. Андреевский впервые выступил в суде с речью в защиту Зайцева, совершившего убийство в меняльной лавке на Невском проспекте. Присяжные должны были решить, является ли это убийство преднамеренным, с корыстной целью, или это убийство без заранее обдуманного намерения, посредством случайно взятого топора. Студентам было предложено во время домашнего чтения речи в защиту Зайцева отметить метафоры, которые способствовали вынесению вердикта. Рядом, в скобках,

нужно было написать те же мысли, выраженные словами в прямом значении или при помощи привычных метафор. Выяснилось, что 89% студентов 5 курса считают, что метафоры, позволяющие присяжным склониться в пользу преднамеренного убийства, следующие:

«...зараза эта – тонкая, как микроскопический миазм, – называется преступной мыслью»¹⁷. – (В голове Зайцева появилась преступная мысль).

«Нервы разгуливались, голова пьянела от мыслей; воля и самообладание куда-то уходили, сторонясь от этого несчастного, заражённого, отравленного»¹⁸. – (Преступная мысль подавила интеллект и эмоции человека).

«Он не знал, что, купив после таких мыслей топор, он попадал в кабалу к этой глупой вещи, что топор с этой минуты станет живым, что он будет безмолвным подстрекателем, что завтра он будет служить осязательным следом вчерашнего умысла и будет сам проситься под руку»¹⁹. – (Покупка топора спровоцировала преступление).

«Поступок Зайцева называют дерзким. Это не дерзость, а глупость, это слепота возбуждения»²⁰. – (В состоянии возбуждения он не мог адекватно воспринимать действительность).

«Убийство, господа присяжные заседатели, есть несчастье, старое, как земля. Ещё со времён Каина люди не могут искоренить этого зла. Этот общественный недуг подкрадывается к человеку, как чума, нападает на его мозг, делает бесчувственным его сердце и, распоряжаясь его руками, заставляет его делать то, от чего он сам впоследствии приходит в ужас и невольно отталкивает от себя своих собратьев»²¹. – (Общество тоже в ответе за судьбу человека).

С помощью следующих вопросов студентов подводят к мысли, что метафора – средство убеждения в суде: 1) Что убедительнее: высказывания на основе метафорического словоупотребления или логические суждения? 2) Что доказано при помощи метафор? 3) Можно ли считать метафору «слепота возбуждения» ключевой? 4) С какой целью С.А. Андреевский употребляет олицетворения? 5) Удалось ли обойтись без привычных метафор в простых логических суждениях? 6) Проследите движение мысли С.А. Андреевского: как он убеждает без доказательств?

Студентам 1 и 5 курсов было дано задание: выделить допустимые в судебной речи, «удачные»²² метафоры (примеры взяты из книги П.Сергеича «Искусство речи на суде»): закон требует; строгость наказания; давление нужды; преступление совершено под покровом ночи; цепь улик сковала подсудимого; он должен

¹⁷ Андреевский С.А. Дело Зайцева // Избранные труды и речи / Сост. И.В.Потапчук. – Тула: 2000. – С 56.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. – С. 57.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 58.

²² Сергеич П. Искусство речи на суде... – С. 51.

преклониться перед мечом правосудия. 44% студентов 1 курса и 96% студентов 5 курса оценили первые три примера как допустимые в судебной речи.

К данным метафорам студентам предлагалось дать близкие по значению выражения. Варианты ответов: по закону; строгость и неотвратимость наказания; отсутствие необходимых средств к существованию; недостаточная обеспеченность, малая обеспеченность; преступление совершено ночью; улики неопровержимы; он должен признать свою вину.

При выполнении задания студенты показали свои языковые предпочтения как будущие судебные деятели. Им сообщается, что примеры взяты из книги «Искусство речи на суде» видного судебного деятеля XIX века П.Сергеича (П.С.Пороховщикова), и зачитывается отрывок из этой книги: «Не следует скупиться на метафоры. Я готов сказать: чем больше их, тем лучше; но надо употреблять или настолько привычные для всех, что они уже стали *незаметными* (курсив П.Сергеича), как например: рассудок говорит, закон требует, давление нужды, строгость наказания и т.п. – или новые, своеобразные, неожиданные. Не говорите: пре-

ступление совершено под покровом ночи; цепь улик сковала подсудимого; он должен преклониться перед мечом правосудия. Уши вянут от таких речей. А удачная метафора вызывает восторг у слушателей»²³.

Таким образом, многоаспектный подход к формированию речевого поведения студентов юридических факультетов включает в себя выработку у них навыков: 1) Лаконичного построения судебных речей. 2) Использования схожести судебного ораторского искусства с художественным познанием человека в литературе. Включения в содержание речи наряду с её стройной логической структурой художественного начала, имеющего своей целью чувственно-образное познание в суде. 3) Использования метафоры как средства образной доказательности. 4) Построения речи в строгом соответствии с рекомендациями Аристотеля (обязательный учёт оратором трёх элементов: сам оратор; предмет, о котором он говорит; лицо, к которому он обращается). 5) Учёта стратегии мышления судебной аудитории, в первую очередь присяжных заседателей.

²³ Сергеич П. Искусство речи на суде... – С. 51.

WORKING WITH TEXTS OF JUDICIAL SPEECHES AS A METHOD OF RHETORICAL TRAINING OF LAW FACULTY STUDENTS

© 2009 E.P.Pronina, G.N.Jakusheva^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article defines the basic directions of law faculty students training on the basis of analysis of rhetorical techniques of the world famous Russian judicial figures of the past, who applied these techniques perfectly, using in their speeches both logic and brightly expressed figurative component. In the article some aspects of students speech training illustrated by examples of concrete judicial speeches analysis are also characterized.

Key words: court, speech, sample, difficulty, proof, logic, image, metaphor, thinking, persuasiveness.

^o Pronina Elena Pavlovna, Professor of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Teaching Department. E-mail: filolog_f@pgsga.ru
Jakusheva Galina Nikolaevna, Post-graduate Student of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Teaching Department. E-mail: filolog_f@pgsga.ru